

УДК 81-26

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ КРЫМА В ЗАРУБЕЖНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Р. А. Абдуразаков

Дагестанский государственный университет

В статье проанализированы различные геополитические трактовки значения Крымского полуострова в национальных внешнеполитических доктринах зарубежных государств. Автором рассмотрена «крымская проблема» с точки зрения украинской «черноморской доктрины» и доктрины «интегрального национализма», англо-саксонской «концепции анаконды» и проекта ГУАМ. Рассмотрены исторические корни и степень реализации планов в отношении Крыма гитлеровского руководства фашистской Германии, а также степень вовлеченности в рассматриваемые события турецкого руководства исходя из концепции пантюркизма и всего комплекса факторов в рамках сложившейся геополитической ситуации в Черноморском регионе.

The article examines various geo-political evaluations of the Crimean peninsula in the national foreign policy doctrines of foreign countries. The author reviews the Crimean problem in terms of the Ukrainian "Black Sea doctrine" and the doctrine of the "integral nationalism". Particular attention is paid to the "concept of anaconda" and its impact on the policy of the Western relation to the Crimea. The author examines the Crimea from the position of the GUAM. The article describes the historical roots and implementation of Hitler's plans in regard to the Crimea and involvement of the Turkish leadership to the events taking into account the concept of pan-Turkism, as well as the whole complex of factors within the geopolitical situation in the Black Sea region.

Ключевые слова: геополитика; черноморская доктрина Украины; концепция анаконды; Турция и Крым; пантюркизм; немецкая геополитика и Крым.

Keywords: geopolitics, Black Sea doctrine of Ukraine, the doctrine of anaconda, Turkey and the Crimea, Pan-Turkism, the German geopolitics and the Crimea.

Сегодня в нашей стране абсолютное большинство населения не сомневается не только в важности возвращения Крыма в состав России, но и в геополитической значимости этой территории с точки зрения национальной безопасности. Крым с глубокой древности привлекал к себе внимание чрезвычайно выгодным геостратегическим расположением. «Кто владеет Крымом – владеет Черным морем» [1] – эти слова князя Г.А. Потемкина-Таврического, завоевавшего Крым для России, справедливы и сегодня. В XX в., в эпоху мировых войн и цивилизационных катаклизмов, в эпоху, когда пространственные факторы мировой политики стали носить глобальный характер, геополитическая значимость Крыма еще больше возросла. Поэтому сегодня стало общим местом рассматривать возвращение Крыма не только с исторической, но и с геополитической точки зрения. Однако геополитика — это не только стратегия, но и идеология [2, с. 13].

В каждой стране, претендующей на суверенную роль в мировой политике, концепция национальной безопасности и стратегия внешнеполитических решений всегда будет основана на определенной геополитической доктрине, органически вплетаемой в национальную, государственную идеологию. Поэтому является логичным для познания важности того или иного события или территории для внешней политики государства рассмотрение его с точки зрения его места в национальной геополитической доктрине. Если отношение отечественной геополитической мысли к проблеме Крыма для многих сегодня не является тайной и получило достаточное освещение СМИ, то роль Крыма в геостратегии и геополитике других стран требует отдельного внимания.

Безусловно, возвращение Крыма в лоно России рассматривать вне Украинского кризиса в целом невозможно. Крым всегда занимал особое место во внутренней геополитике украинского руководства как регион «внутренней национальной колонизации», как объект будущего геополитического рывка украинского государства, объект приложения пассионарных усилий украинцев.

Причем у этой политики были свои исторические корни. Основы современной национальной геополитической доктрины Украины заложил в начале XX в. Дмитро Донцов, выдвинув концепцию «интегрального национализма». Согласно ей, первоначальной целью должно стать создание европейской украинской нации путем очищения украинского народа, отказавшись от идей дружбы между народами, федерализма или автономии. Ориентируясь на европейские ценности, он призывал к расовому очищению украинской нации и сопротивлению России [3, с. 223]. Фактически это была концепция украинского национал-социализма, замешанная на социал-дарвинизме. Донцов назвал нордическую расу высшим типом и исторической основой украинского народа [4]. Украинский народ он называет избранным народом, ибо «он создан из той глины, из какой Господь создает избранные народы» [5, с. 153]. Идея расовой гигиены украинского народа смыкалась с тезисом о европейском выборе Украины и ее высоком историческом предназначении быть форпостом европейской цивилизации. Д. Донцов писал, что суверенная Украина – это благо, это геополитический форпост Запада в его борьбе с Востоком, это пробойный таран против Москвы – Евразии [6].

Идея расового очищения украинской нации была подхвачена современными украинскими идеологами и конкретизирована в отношении населения Крыма и юго-востока Украины. Крым и юго-восток Украины стали восприниматься украинскими националистами как главное направление лингвистической и культурной экспансии с целью культурного реформатирования населения этих областей. Языковая и культурная унификация Украины должна была стать элементом геополитической консолидации и сосредоточения и своего рода панацеей от российского влияния. Экономическое развитие полуострова тормозилось, он финансировался по остаточному принципу, поскольку рост экономической силы и значимости Крыма мог привести к росту политического влияния региона и сепаратистских настроений. Предполагалось, что необходимо вначале этнически и культурно реформатировать регион, а уже потом вкладывать в него финансы. С этой целью строилась культурная и образовательная политика Киева в Крыму, сюда привлекались специалисты и чиновники из западных областей Украины, соответствующим образом зачищалось информационное пространство [7, с. 262].

В итоге «украинизированный» Крым должен был стать, по мысли украинских геополитиков, плацдармом для реализации своих собственных геополитических планов, заложенных еще Михайлом Колодзинским, Степаном Рудницким, Юрием Липой и др. Именно они создавали так называемую «Черноморскую доктрину» Украины, где Крымский полуостров является главным звеном для единения народов всего Черноморского региона под главенством Украины.

Так, Юрий Липа (1900–1944), которого принято считать главным теоретиком украинской геополитики, подчеркивал, что главной целью независимой Украины должно стать объединение стран всего Черноморского региона. Ю. Липа ввел понятие «украинской скрепы» (Черноморское пространство плюс Украина) и утверждал, что украинцы – это особая черноморская раса [8, с. 77].

Директор Института географии и картографии АН Украины Степан Рудницкий, сторонник расширения украинской территории, в 1920 г. составил карту украинских земель. На ней Украина включала Крым и простиралась до Северного Кавказа и Каспия. С. Рудницкий предлагал перенести политический центр Украины на юг, ближе к Крыму, чтобы легче было контролировать Северное Причерноморье [9, с. 211].

Другой известный идеолог украинской геополитики Михаил Колодзинский (1902–1939) предполагал, что создаваемая Украинская держава, опираясь на Крым и Причерноморские степи, должна построить центр новой мировой цивилизации, а в перспективе – отодвинуть границу Европы до Алтая и Джунгарии. Победа в борьбе за Северное Причерноморье и Крым должна была сделать Украину властителем Восточной Европы [10, с. 11].

Фигура и интеллектуальное кредо М. Колодзинского импонировали в свое время президенту В. Ющенко, усилившему украинизаторскую политику в Крыму, заключавшуюся в следующем:

- насильственная украинизация образования;
- документооборот и все отношения с Киевом только на украинском языке;
- препятствия в распространении российских газет и журналов;
- преобладание украинского языка на национальном телевидении;
- переименование населенных пунктов на украинский лад;
- замена русских имен украинскими аналогами в паспортах;
- осуществление рекламы только на украинском языке, предоставление аннотаций и инструкций к товарам и лекарствам часто только на украинском языке и т.д. [7, с. 263].

«Черноморская доктрина» в опоре на Крым была реанимирована в постсоветский период совместными усилиями украинского руководства и их западными покровителями в «новой обертке» под названием ГУАМ («Организация за демократию и экономическое развитие») – межгосударственная организация, созданная в октябре 1997 г. бывшими советскими республиками – Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией. ГУАМ должна была объединить в единое антироссийское геополитическое пространство территории Черноморского бассейна и Прикаспийского региона. Президент Украины Ющенко активно продвигал идею ГУАМ, в которой Крымскому полуострову отводилась роль своеобразного морского звена между Кавказской и Восточно-Европейской частями этого образования, призванного оттеснить Россию от Черноморского бассейна. Без Крыма идея ГУАМ теряла всякий смысл.

Немецкие претензии на Крым в первой половине XX в. были не менее амбициозными, чем украинские. Германское руководство имело у себя на службе лучшую по тем временам академическую геополитическую науку, которая рассматривала пространство Восточной Европы как новое «жизненное пространства» германской нации и естественное направление ее экспансии [11, с. 8].

Опорой немецкого влияния на Черном море должен был стать Крым, который немецкие ученые и руководство считали «утраченной немецкой территорией». Дело в том, что в III в. н.э. полуостров был заселен продвинувшимися сюда германскими племенами готов, которые затем (в конце IV в.) были разгромлены гуннами. Таким образом, так называемый «готский вопрос» давал немцам повод предъявить свои исторические права на владения исконной территорией, землей предков. Гитлер называл Крым советским непотопляемым авианосцем, угрожающим румынской нефти [12, с. 3]. Он считал, что оккупация Крыма и захват его военно-морской базы – Севастополя окажет благоприятное воздействие на позицию Турции и подтолкнет ее к вступлению в войну на стороне Германии. Захват Крыма был поручен одиннадцатой немецкой армии, командование которой принял генерал-полковник Эрих фон Манштейн, один из наиболее выдающихся немецких военачальников Второй мировой войны [1].

Согласно планам главного идеолога Третьего Рейха Розенберга, Крым вместе с Херсонской и Запорожской областями включался в генеральный округ «Таврия». К требованиям татарских националистов о создании своей государственности немецкие власти отнеслись прохладно, хотя охотно привлекали их к сотрудничеству. В декабре 1941 г. в беседе с Розенбергом Гитлер заявил, что «Крым должен быть полностью очищен от негерманского населения». Затронув проблему «готского наследия», фюрер немецкого народа сказал, что после окончания войны и решения вопроса с населением Крым будет называться Готенланд, Симферополь – Готенбург, а Севастополь – Теодорихсхафен [13, с. 22].

Руководство Третьего Рейха, в отличие от украинских националистов, попыталось подвести под свои планы в отношении Крыма хоть какую-то научную основу. В июле 1942 г. немцами была организована археологическая экспедиция, которая обследовала городище Мангуп – бывшую столицу княжества Феодоро, которое было уничтожено турками в 1475 г. Вывод нацистских археологов был прост: крепость Мангуп, а также еще целый ряд городов на южном берегу Крыма были построены готами [14, с. 224].

В начале июля 1942 г. Гитлер подписал директиву, согласно которой выселение русских из Крыма должно было начаться уже сейчас, а украинцев и татар – чуть позже [15,

с. 385–386]. Нацистское руководство разработало планы переселения в Крым немцев из итальянского Тироля, междуречья Буга и Днестра, а также из Южной Америки и Палестины. Однако этим планам не суждено было сбыться, поскольку в 1943 г. Крым был отрезан частями Красной Армии и превратился в «осажденную крепость» [15, с. 22].

Наследие немецкой геополитической мысли в послевоенный период было подхвачено американской наукой. Но было бы неправильно считать, что англо-саксонская геополитическая школа до середины XX в. никак не присматривалась к Крымскому полуострову и Черноморскому бассейну в целом. Западные геополитические теоретики и практики трепетно относились к возможности контроля за островными и прибрежными зонами Евразии для борьбы со своими противниками. Отношение к этому региону строилось на основе общих принципов внешнеполитических решений, заложенных американским геополитиком А. Мэхеном и английским геополитиком Х. Маккиндером. Принципы эти исходили из логики вечного противостояния морских и континентальных держав. Англо-саксонский мир представляет собой морскую цивилизацию и ведет борьбу с континентальной Россией, используя свою тактику «анаконды». Смысл этой тактики заключается в недопущении доминирования на море России, выведении из-под ее контроля прибрежных территории, выдавливании вовнутрь континента и удушении, таким образом, в кольцах «анаконды» [16, с. 270]. Причем эта тактика распространялась на все случаи борьбы англосаксов с евразийскими державами (Россия, Китай, Германия), поскольку позволяла контролировать их торговлю и коммуникации.

В рамках этой схемы контроль над Крымским полуостровом давал возможность осуществить идею отеснения, выдавливания России внутрь Восточно-Европейской равнины. Попытка реализовать тактику анаконды через крымский сценарий была не нова: достаточно вспомнить, что наиболее острая фаза противостояния континентальной Российской империи и морской Британской империи пришлось на период Крымской войны 1853–1856 гг.

Окончание Первой мировой войны и Октябрьская революция 1917 г. предоставили англосаксонской цивилизации очередной шанс удушения России. Обсуждая так называемый «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции 1919 г., страны Антанты приняли решение использовать Крым и юг Украины в качестве плацдарма для развития интервенции, отмечая чрезвычайно выгодное расположение этой территории для нанесения окончательного удара по Советской России [17, с. 317–318]. Одна из последних фаз Гражданской войны в России также пришлось на Крым.

Развал Советского Союза поставил США в уникальное положение. Как подчеркивал З. Бжезинский, после крушения СССР впервые в истории сложилась ситуация, когда на пространстве Евразии господствует не евразийская держава. Закрепить текущее положение предлагалось за счет укрепления американского влияния в прибрежных районах Евразии, важнейшим из которых указывалось Черноморское побережье. Возврат Украины в сферу влияния России, по мысли Бжезинского, приведет к возвращению Россией себе статуса великой державы и поколеблет господство США в Евразии [18, с. 26].

С целью недопущения превращения России вновь в Евразийскую империю и восстановления ее влияния на Украину и был создан ГУАМ, который как нельзя лучше укладывался в концепцию «анаконды». Причем связующим звеном между территориями ГУАМ (Грузия, Азербайджан, Украина, Молдова) и призван был стать Крымский полуостров.

В 1997 г. была подписана Хартия об особом партнерстве Украины и НАТО. Тогда же США официально объявили Черноморско-Каспийский регион зоной своих особых энергетических интересов. В составе Совета национальной безопасности при президенте США был создан специальный отдел, введена должность специального советника президента и госсекретаря по проблемам Черноморско-Каспийского региона, а в составе ЦРУ было создано специальное оперативное подразделение по отслеживанию политических процессов в причерноморских и прикаспийских странах [19].

Если Балканы стали для НАТО дорогой на Евразийский континент, Афганистан – «окном» туда, то Крым мог сыграть роль ключа, отпирающего все евразийские «двери».

Таким образом, возвращение Россией Крыма – это удар по англосаксонской «анаконде», по планам оттеснения России вглубь континента, удар по планам изоляции нашего государства. Нет таких санкций против России, которые перевесили бы значение возвращения Крыма.

В борьбе за обладание Крымом был еще один геополитический игрок, который в прошлом присутствовал на полуострове, но в текущей ситуации так и остался пока в роли наблюдателя (но надолго ли?). Отношение Турции к Крыму невозможно рассматривать вне сложного переплетения исторических, геополитических, национальных факторов. Даже при беглом рассмотрении можно обнаружить противоречивый характер не только отношения Турции к Крыму, но и крымско-турецкого взаимодействия.

Как известно, влияние Османской империи на Крым особенно сильным было с 1478 по 1774 г., когда крымские ханы были вассалами турецких султанов. Турецкие сунниты оказали серьезное влияние на формирование культурно-этнической и религиозной идентичности крымско-татарского народа. Следует заметить, что одним из авторов и идеологов концепции пантюркизма являлся Исмаил Гаспринский – российский интеллектуал крымско-татарского происхождения.

В 1923 г. вышла книга турецкого основоположника пантюркизма Зии Гекалпа «Основы тюркизма», которая представляла геополитические планы пантюркизма. Предполагалось тремя последовательными этапами включение всех тюркских народов – т.е. турок, татар, башкир, алтайцев, тюркских народов Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Восточного Туркестана – в общее туранское федеративное государство [20, с. 95].

Подобная геополитическая доктрина господствовала в Турции и на протяжении XX в., вне зависимости от характера местного правящего режима. Российское имперское правительство стремилось решить проблему турецкого влияния в Крыму и, создав Таврическое Магометанское Духовное Правление, с помощью различных интриг препятствовало занятию неудобными кандидатами руководящих должностей в нем, старалось, таким образом, постоянно держать руку на пульсе в этом беспокойном регионе [21].

Крымско-татарская элита, несмотря на позитивное к себе отношение со стороны турецкой верхушки, давала повод для разочарования последней. 21 июля 1918 г. ряд видных крымско-татарских деятелей обратились к германскому правительству с меморандумом, в котором просили поддержки для преобразования Крыма в независимое ханство, которое, однако, будет полностью придерживаться прогерманской политики [22, с. 125]. Следующий раз холодок между крымско-татарской элитой и Стамбулом пробежал в 1920-е гг., когда благодаря проводимой советской властью политике «татаризации» началось формирование национальных управленческих кадров, увеличение их числа во властных структурах, расширение сферы применения крымско-татарского языка, приобщение крымских татар к светскому образу жизни и вовлечение их в состав промышленного рабочего класса.

Тем не менее турецкие круги не теряли надежды на реализацию своих давних планов в отношении Крыма. После начала Великой Отечественной войны, в период 1941–1942 гг., Турция направила несколько делегаций в Берлин с целью склонить Гитлера к созданию независимого крымско-татарского государства [13, с. 26–27]. Однако, как уже говорилось выше, у гитлеровцев были свои планы в отношении Крыма. Выселение крымских татар, по мысли фашистов, должно было быть отложено до окончания войны, чтобы не портить отношения с Турцией, а также для их использования в своей оккупационной политике. Таким образом, крымско-татарский вопрос был своеобразной разменной монетой во взаимоотношениях Германии и Турции. Представляется, что турецкое руководство также не намерено было из-за Крыма портить отношения с Германией, рассчитывая на лояльность последней в вопросе расширения турецкого влияния в Закавказье.

Российская позиция в отношении Крыма вновь должна была выявить степень заинтересованности Турции в реализации своей доктрины пантюркизма и распространения ее на Крымский полуостров. Здесь также не обошлось без противоречий. Дело в том, что в

феврале 2014 г. глава турецкого внешнеполитического ведомства Ахмет Давутоглу заявил, что Автономная Республика Крым является частью Украины, а уже через месяц, обращаясь к крымским татарам, Давутоглу пообещал: «Мы первые поспешим на помощь Крыму – реликвии, оставленной нашими предками» [23].

Однако консолидированная позиция турецкого руководства оказалась несколько иной. Дело в том, что серьезно увязывая и в неопределенности с Курдским вопросом, и в ситуации в Сирии и вокруг нее, и, наконец, в собственных внутренних дразгах и разговорами о возможности отставки премьера Реджепа Тайипа Эрдогана, особо не пыталась на государственном уровне ввязываться в Крымский вопрос. В марте премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган заявил, что Россия в основном права в вопросе Крыма, она отстаивает свои национальные интересы, и западные страны должны их уважать. Кроме того, турецкий премьер заявил, что Болгария, Босния и Герцеговина и Македония входят в сферу интересов Турции [24].

Как представляется, геополитический компромисс Москвы и Стамбула, если к тому же вспомнить и недавнюю ситуацию с Южным потоком, заключается в перенаправлении активности турецкого внешнеполитического вектора в сторону Балканского полуострова. Что касается Черноморского бассейна, то обе стороны солидарны в следующей геополитической формуле: «Черное море – это закрытый российско-турецкий водоем». Кроме того, на наш взгляд, Турция вряд ли будет и дальше пытаться разыгрывать татарскую карту: здесь на кону, с одной стороны, экономическое сотрудничество с Россией, а с другой – проблема Северного Кипра. Дело в том, что с 1974 г. около трети Кипра оккупированы Турцией. В 1983 г. турецкий сектор провозгласил себя Турецкой Республикой Северного Кипра, однако это государство признали только Турция, Абхазия и Нахичевань.

Таким образом, Крымский полуостров занимал и занимает важное место в национальных геополитических доктринах и внешнеполитической практике ряда зарубежных государств. События годичной давности лишней раз доказали приоритет национально-государственных интересов в межгосударственных отношениях. Февральские события на Украине и последовавшее затем возвращение Крыма в состав России стали катализатором осознания в широком общественном мнении нашей страны того, что старая добрая «realpolitik», основанная на защите каждой страной, в первую очередь, своих национально-государственных интересов [25, с. 189], никуда не девалась. Будем надеяться, что рассматриваемые события рано или поздно не только приведут к осознанию всем мировым сообществом исторической правоты и целесообразности возвращения Крыма в состав России, но и станут очередным шагом в преодолении последствий развала Советского Союза и собирания его геополитического наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Строев Л.* Оборона Крыма, или как не надо руководить войсками [Электронный ресурс] // Партнер. (Электронное издание). 2008. № 4. URL: <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2008/4/235/2887> дата обращения: 24.03.2015).
2. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. 451 с.
3. *Донцов Д.* Национализм. Винница: ДКФ, 2006. 284 с.
4. *Донцов Д.* Дух нашої давнини. Киев, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/doc-14288842_40782809?dl=ad98df0d5b345ce65e (дата обращения: 24.03.2015).
5. *Донцов Д.* Хрестом і мечем (Крестом и мечом). Торонто: Спілка визволення України, 1990. 246 с.
6. *Донцов Д.* Москва и Запад [Электронный ресурс]. URL: http://www.vidrodzhenia.org.ua/doncov_1.htm (дата обращения: 24.03.2015).
7. *Лантух Н.А.* Об «островной» направленности крымской региональной идентичности // Вопросы развития Крыма. Вып. 16. Симферополь: СОНАТ, 2012. 408 с.
8. *Липа Ю.* Призначення України. Нью-Йорк: Говерля, 1953. 314 с.
9. *Рудницький С.Л.* Чому ми хочемо самостійної України. Львов: Свет, 1994. 415 с.
10. *Гулевич В.А.* Геополитика украинства как «интеллектуальный дубликат» // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Вып. II. М., 2010. С. 7–15.

11. *Хаусхофер К.* О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 250 с.
12. *Широкорад А.Б.* «Непотопляемый авианосец» Крым. 1945–2014. М.: Вече, 2014. 404 с.
13. *Романько О.В.* Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). М.: Вече, 2011. 432 с.
14. *Pringle H.* The master plan: Himmler's scholars and the Holocaust. New York, 2006. 283 p.
15. *Бройнингер В.* Противники Гитлера в НСДАП, 1921–1945. М.: АСТ, 2006. 400 с.
16. *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю // Классики геополитики XIX в. М.: АСТ, 2003. 720 с.
17. *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1949. 464 с.
18. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска / пер. О.Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1998. 112 с.
19. *Панов В.* Ключ к Евразии. О роли Крыма в реализации геостратегических планов США и НАТО [Электронный ресурс] // Столетие. Информационно-аналитическое издание «Фонда исторической перспективы». 06.03.2012. URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/kluch_k_jevrazii_2012-03-06.htm/ (дата обращения: 24.03.2015).
20. *Мухаметдинов Р.Ф.* Зарождение и эволюция тюркизма. Казань: Заман, 1996. 272 с.
21. *Криничный А.* Пантюркизм и исламизм в борьбе за Крым [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruska-pravda.com/2008-04-23-15-33-58/45-geopolitika/424-2008-10-14-09-39-42.html> (дата обращения: 24.03.2015).
22. *Романько О.В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь: Антиква, 2009. 270 с.
23. *Давутоглу А.* Мы первые поспешим на помощь Крыму [Электронный ресурс]. URL: <http://news.day.az/turkey/471352.html> (дата обращения: 24.03.2015).
24. Эрдоган: Россия в основном права в вопросе Крыма: обзор прессы Турции (февраля – марта 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2014/03/02/erdogan-rossia-v-osnovnom-prava-v-voprose-kryma-obzor-pressy-turcii.html> (дата обращения: 24.03.2015).
25. *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 189–201.

Поступила в редакцию 25.03.2015 г.

Принята к печати 30.04.2015 г.